

Когда горы взлетят

Иван Снигерев

18+

Иван Снигерев

Когда горы взлетят

<https://litres.ru/74000403>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, изваянном по лекалам ментального тоталитаризма, Neuro Inquisitio беспощадно выжигает третичный нейрональный субстрат, нареченный ересью, проказой и скверной. И это не кара небес, а когнитивный геноцид, возведенный в ранг божественного провидения.

Но даже в такой безупречно функционирующей системе возникают баги. Прозрев, один из ее демиургов возвращает двух апостолов хаоса: идеального карателя М., рожденного из унижений, и не поддающегося расшифровке еретика Л., чьи нейронные аномалии способны переписывать саму ткань бытия.

И пока М. по лестнице инициации возносится к горным вершинам власти, Л. ищет ключ к спасению таинственной Астры — носительнице проклятого дара, ставшей подопытным материалом для Neuro Inquisitio

Там, где царит жестокость, а прошлое — лишь отзеркаленный вечностью слепок на серверах Пантеона, им предстоит сойтись под ливнем из крови и страданий, чтобы решить, чей код окажется сильнее и смогут ли горы взлететь к небесам...

Содержание

Часть	5
Часть 2	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Иван Снигерев

Когда горы взлетят

Авторское предисловие:

Все организации, события, персонажи в произведении являются вымышленными. Любые совпадения с реальными событиями случайны.

Все религиозные предметы, образы и обряды в повести относятся к вымышленной организации Neuro Inquisitio и не имеют отношения к какой-либо реальной церкви или конфессии. Изложенное ниже — антиутопия, исследующая природу тоталитаризма, а не критика веры. Итак...

«...Принимая волю Neuro Inquisitio, храня в своем сердце истинную веру Мегалогоса, перед святым образом великого прошлого, протягивающего свои стальные скрепы за блистательные горизонты нашего будущего, торжественно клянусь и неукоснительно следовать непререкаемой мудрости Trinitas...»

Ч. 1 ст. 1 кодекса Neuro Inquisitio

Часть

1

1

Преодолев спазм он залпом проглотил остатки микстуры и замер, прислушиваясь к своим ощущениям. Когтистая боль, что терзала его изношенные суставы, не торопясь пересекла рубеж болевого порога и растворилась в пряном аромате тлеющего ладана. Насладившись какое-то время звенящей тишиной, царившей в обители его сырых послушников, он смог подняться с кушетки и пройти к столу с аккуратно разложенными на нем стопками донесений, корреспонденции, резолюций и остальными продуктами метаболизма *Neuro Inquisitio*. Усевшись он приложил ладонь к сканеру настольного сейфа и раскрыл его. Здесь царил иной аромат — дух истинного Я, впитанный страницами блокнота в красном кожаном переплете, он смиренно ждал его прикосновения. Все еще вздрагивая от пароксизмальных вспышек боли Экзарх потянулся было к нему, но... лишь с горечью захлопнул сейф — предстоящее дело не терпело промедлений.

Папка. Черная, шелковистой обложкой, лежащая в стороне от остальной бумажной массы. Золотая вязь сингулярного слова «Секретно» отчеканено на ее узком, словно грань стилета, корешке, а в ней — директива Ипостаси, требующая

неукоснительного претворения в жизнь. Он вынул мелко исписанный каллиграфическим почерком пергамент, запахом сожженной дотла нежити несло от него.

«Достойнейший страж Мегалогоса! Ты — плоть от плоти Neuro Inquisitio и роль твоя в деле воцарения божественной гармонии поистине неоценима! Trinitas явственно зрит твои усердные деяния на ниве духовного просветления вверенной тебе когорты...», — ощутив, как ее лживая патетика впивается в кости черепа, он сразу перескочил на пару абзацев вниз:

«...Позволь сообщить тебе: достижения передовых умов Neuro Inquisitio раздвинули — хвала Предтече! — границы и вероятность обнаружения третичного нейронального субстрата (он же — ТНС), в частности, за счет снижения порогового значения возраста селективируемых целей...» — его как будто ударили тупым обухом и пепел из труб Святейшего Крематория горьким осадком сублимировался на его губах: туманные слухи, прятавшиеся в самых темных закоулках Neuro Inquisitio, непонятные метафоры, периодически мелькавшие в служебных бумагах, оказались такими же реальными, как и бешенная аритмия его сердца.

«...Результаты апробирования усовершенствованной технологии превзошли самые смелые ожидания, даже твои! Впредь радость солнца, прогнавшего вон ночную тьму, будет освещать путь к истине! — костяшки его крепко сжатых рук побелели, в горле внезапно пересохло. — Отныне побочный

ущерб от молота, неустанно крушившего ересь, исключен. А равно как и принцип «Caedite eos. Novit enim Dominus qui sunt eius». Мы получили филигранный скальпель и он вскроет гнойные нарывы, ранее остававшиеся вне фокуса нашего внимания. Чума, просочившаяся сквозь сито альфа-версий, будет выявлена, посажена на цепь и предана анафеме...»

— Неизбежное неотвратимо... — прокашлявшись и натужно задышав, он заставил себя продолжить чтение директивы:

«...Принимая во внимание необходимость сохранения ментальной непорочности Neuro Inquisitio, Trinitas предписывает тебе:

— результаты прошлого скрининга признать несущественными и во внимание не принимать;

— убедиться в безупречном функционировании экзогенов послушников в возрасте от первокурсника и вплоть до магистратуры; особое внимание обратить на работоспособность карцерного режима;

— усовершенствованный инструментарий (см. корневой метадомен, код доступа «Диковинные цветы плавно парили в облаке, пронизанным лунным светом») закатать в экзогены;

— под благовидным предлогом выполнить одномоментное сопряжение послушников с экзогенами, о дальнейшем можешь не беспокоиться — это дело техники;

— в случае обнаружении скверны лично проконтролиро-

вать ее тотальную изоляцию и ожидать моих дальнейших распоряжений.

Теперь же главное, Экзарх. С целью доукомплектования состава Trinitas я предписываю тебе — из воспитанников, наиболее успешно прошедших скрининг, отобрать достойнейшего кандидата на звание Инквизитора и направить его на огненное очищение от унаследованных червоточин. Не беспокойся за его дальнейшую участь — сам Илий отвечает за вознесение души кандидата.

P. S. И помни, страж... Люцифер не до конца изгнан из подлинной яви, когти его черной руки могут дотянуться до любого, даже до тебя. *Iustitia et misericordia*», — ладан полностью выгорел, его кисть невольно разжалась и Директива № 16 упала на безукоризненно черный пол.

Занавес взлетел и перед ним материализовалась сцена, облитая кровью юных изгоев, прикованных к своей одаренности. По ней, избегая жгучего света софитов, плавно кружила сама Смерть, облаченная в иссиня-черную рясу с алым подбоем...

Чтобы разобрать мелкую вязь рапорта ему пришлось надеть архаичное пенсне и пододвинуть поближе смердящий роскошью подсвечник:

«Послушник: Матфей.

Директивность анализаторского аппарата не позволяет ему вольно мыслить, а доктринальное следование благопри-

обретенным императивам уже впаяно в его разум, насквозь пропитанный доминантностью. Регрессия к среднему значению присутствует в полной мере...»

— Идеальный кандидат, с ним стоит поработать... Он покарает всех, кто усомнится в безгрешности небес, даже себя. — Экзарх позволил тонкой улыбке промелькнуть на своем волевом лице, чтобы затем перейти к следующему:

«Послушник: Л.

Обладает специфической способностью исключать лимитирующие нейрональные цепи морфофункциональных единиц за счет переключения звеньев вышеуказанной цепи к аналитическим и ассоциативным центрам неокортекса. Достигнутый эффект — синергия разума, прямо пропорционально зависящая от... — по мере чтения дрожь его рук усиливалась, переходя в режим стаккато. — ...С целью пресечения распространения скверны объект изолирован. Рекомендации по дальнейшим манипуляциям: вырезать объект из материального плана бытия и провести посмертное тотальное сканирование его церебральных структур».

— Боже... кто же еще, как не он?! — его голос вознесся под купол залы и расколот его на надвое. — Неизбежное неотвратимо... — констатировал он и воссоздал момент рождения этой сентенции:

«— Л., никто — даже сам Сфинкс! — не должен разгадать твою суть!.. — сказал я. Буря, поглотившая солнце, клокотала в глазах моего воспитанника, с ужасом взиравшего на

курающийся тонким дымком револьвер.

— Кто... кто такой Сфинкс, настоятель? — ошеломленно прошептал он и перевел взгляд — расстрелянное лицо этой древней скульптуры толчками выплескивалось из пулевого отверстия во лбу еретика, только что казненного мной. Лишь воля, взведенная до состояния туго пережатой пружины, не позволила ему тогда сорваться на крик... Я как мог успокаивающе улыбнулся и по-отечески прижал его к себе, почувствовав неизмеримую силу в сердце обладателя третичного нейронального субстрата, опаленного моим контрольным выстрелом».

2

Спонтанно трансформирующаяся музыка прорвалась сквозь оболочку склепа, располосовала ее на дымящиеся гранитные плиты и тяжесть урана придавила Л. к полу. На него накатила буря рока и вгрызаясь в нейроны принялась их плавить своим безапелляционным грувом. Воля Л. запламенела, он с невероятным усилием вцепился в коммутаторы экзогена, активировал низкочастотную тонопическую цепь и сместил дьявольскую пьесу в интервал декрементного затухания. Музыка яростно взвизгнула, резко заглохла и потолок каменной могилы остановил бескомпромиссное движение вниз. Только глохнувшие в вязкой тишине всплески басовых нот свидетельствовали о той бешеной стихии, что едва

не расплавила его собой же. В последний раз удержавший свою непорочность, он прогрузился в имитационный континуум.

К ржавому древу будто свиную тушу подвесили юную — по меркам самой вечности, — деву, облаченную в тюремное рубище с надписью «Княгиня низвержений и вознесенный» вместо порядкового номера. Ручеек спекшейся крови брал свое начало из губ полумертвого чада, их затворяла агония беззвучного крика и синяя бездна ее глаз перекликалась с ним. Неоновый полумрак, пропитанный сладковато-гнилостным разложением, укутывал сей мезальянс и рваный туман стелился по стенам, сложенных из окаменевших останков еретиков...

«Укроти разум. Смирись с неизбежным. Прими свой дар, кандидат!» — его нервы оцарапало карканье незримого ворона, капающий с потолка гной был его камертоном. Взгляд Л. метнулся к деве, но она оставалась статичной, только ее дивные глаза просвечивали нейроцифровую материю Л. навывлет. Руку его распорол ледяное острие и она мгновенно отяжелела — материализовавшийся из пустоты револьвер превратил ее в десницу. Подчиняясь чей-то несгибаемой воле она устремилась ввысь и он понял — финал казни predetermined, рокот выстрела не успеет смолкнуть как чаша, наполненная его бессилием, опустеет.

«Преподношенье, что перед тобой — проказа, детерми-

нирующая твое церебральное естество, — вороний грай сменился на чарующий шепот с отчетливым привкусом радиации, он расплзлся по склепу, стремясь переподчинить себе волю Л. — Это не чадо, нет! Мина под метафизическим базисом Neuro Inquisitio, скверна, взалкавшая крови невинных агнцев...», — их взгляды вновь пересеклись, полетели багряные искры и скорость нейрональной отдачи возросла, подбираясь к зоне гипнотического отчуждения. Мозг взвыл от перегрузки и его рука на миг остановилась.

— Не пощады... милосердия... Прошу — убей... — прошептала она и исчезла за пепельно-белой пеленой боли.

«Ты знаешь, должен знать! Мы не допускаем и малейших просчетов. Все свидетельства собраны, запротоколированы и переведены в репозиторий улики. Освободи ее, — под ласковый клекот револьвер навелся на цель и встал как вкопанный — это кортикальный контроль Л. вцепился в спусковой крючок. — Твои потуги смешны, мой мальчик! Неминуемое не отсрочить... Поверь, в силу своей архаичности ее третичный нейрональный субстрат отторгает и не признает господство наших догматов. Ересь, спящая в ней, неминуемо диффундирует в социум и по лестнице искушений спустит его в гиену огненную... Нажми курок, сними проклятие с зараженной души... Сотри внутривидовой антагонизм! Убей!..» — визг заклинившего винчестера едва не просверлил барабанные перепонки Л. и он на мгновение утратил самоконтроль:

— Скверна или сущность, отвергающая предопределенность?! — сплюнув иезуитские нечистоты воскликнул он. — Жизнь, проклятая собой же и растоптанная нами!.. — бездонный водоворот из бархата и крови скрестил их души в единое целое. Астра. Имя, сотканное из неизмеримых молний, прожгло насквозь метаконтинуум и заляпанное кровью закулисье Neuro Inquisitio сгорело дотла. «Замуровать одаренность и взять под свой контроль?.. Выжать хоть каплю бесценного вдохновенья и себе вколоть?.. Нет! Казнить и пепел по ветру развеять...»

«Не медли! Прими себя! Иначе в их прицеле окажется весь Мегалогос и наш триумф обратится в пепел!..» — призрак вновь, будто заезженный винил, переключился на искушение добром, но власть его уже истлела.

«...И даже срок милосердия отторгнут, будто не прижившийся трансплантат... Казнить безвинное чадо?.. Кто же я? Прима?.. Или все же... Гравировка мозгов неостановима, — лишь сейчас он постиг тотальную бесчеловечность святейшего правосудия и испытал отчаяние Астры, прибитой к его метафизическому гнилью. — Смогу ли я изменить потрясающе жестокую реальность? Или переродившаяся Астра хотя бы на несколько градусов повернет вектор инволюции Мегалогоса?..» — оглушительный грохот разметал лепестки диковинного цветка, вырвавшегося из своего телесного узилища и волны далекого северного моря унесли Астру к свету беспредельной ночи...

«Превосходно, Прима! Отныне ты достоин тернового венца Neuro Inquisitio...» — с фальшивым восторгом провизжала тьма. Л. заглянул в дымящееся чрево смерти — она манила, — и спустил курок.

Ты можешь ее жалеть, восхищаться его поступком, грезить об иной участи... Но готов ли ты занять их место в карцере и стать бездыханным предметом восхищения, сожаления, любых иных чувств?

3

Будто через кишечник циклопического существа Матфей пробирался по вонючему подземному ходу к усыпальнице настоятелей, спрятанной под гранитными анфиладами обители. На закопченных стенах пульсацией пережатых артерий плясали отсветы факела в его руке, а сырая толща гор все давила и давила, сжимая грудную клетку и заставляя сердце колотиться все чаще и чаще...

Огонь уже почти погас когда он достиг заветного грота и узрел Экзарха. Он, скрестив руки на груди, пристально всматривался в один из полупрозрачных саркофагов и чему-то презрительно ухмылялся; клубы тьмы, мечущиеся внутри саркофага, отвечали ему тем же. Факел с треском исторг последние сполохи света и Экзарх молниеносно обернулся. Узнав Матфея, он просиял чарующей улыбкой:

— Матфей! Явление твое сродни долгожданному дуновению бриза в пустынном зное! В этом последнем прибежище тебя так не хватало... — изливая словесную патоку, он плавно подкрался к Матфею и замер как лев, изготовившийся задрасть трепетную лань. — Боже!.. — воскликнул он и по-театральному приподнял брови. — Я вижу, как черви сомнений ползают внутри тебя, послушник... Успешно прошедшие скрининг отвергают пустые раздумья! Скажи, тверда ли вера твоя на пути исторжения низменных страстей?

— Твердость моей веры может соперничать лишь с вашей мудростью, о господин! — ответил Матфей и сломался пополам в раболепном поклоне, дрожа от вцепившегося в горло восторга.

— Хвалебны слова твои, я вижу в них благоухание юных дев с цветами в волосах и любовью в глазах... — словно забывшись негромко пропел он. — Ты словно континент, в котором содрогаются пики устремлений и смыкаются каньоны нерастраченной одержимости... — его глаза плотоядно скользили по стройной фигуре Матфея, скрадываемой белоснежным хитоном. А он, не разгибаясь, с почтением внимал словам достопочтенного Экзарха. Кто знает? Быть может, в них промелькнет хотя бы тень грядущего...

— Прежде чем начать, пожалуй, немного перекусим, — потирая руки бесхитростно предложил Экзарх и прошел к выдолбленной в скале нише. — Путь сюда неблизкий, ты, вероятно, голоден? Не отвечай, нужды в том нет... и садись

уже, — продолжил он, опускаясь на каменную скамью. Отмерив полагающуюся дистанцию Матфей скромно примостился с краю и следом за ментором отщипнул черствый ритуальный хлеб, по проглотить ее не смог — горло внезапно пересохло. Экзарх всплеснул руками:

— Моя недалёковидность когда-нибудь меня погубит! Испей же впредь вина, — и он протянул чашу, уже пригубленную им. Матфей робко приложился к нему, едва смочив губы. — Не скромничай. Сегодня воздержание излишне, я позволяю тебе сбросить вериги аскезы, послушник, — он благодушно рассмеялся, с какой-то странной нежностью рассматривая смущенного Матфея. Не он здесь правил балом и пришлось подчинился — сладкое покалывание, сбалансированное обволакивающей мягкостью вина, тотчас растеклось по его плоти, иссушенной жаждой укрощения страстей... Свет в глазах всколыхнулся и стал меркнуть, погружая разум в лапы блаженной истомы и никто и ничто не могло ее усмирить; он почувствовал, как вступил на сакральную тропу, ведущую в непостижимую для непосвященных даль...

«...Ведь чем строже подвижничество, тем ниже метаболизм мозга, его уровень годен лишь для примитивного скотского бытия... Истину так не познать... Возьми мой рычаг в руки, взалкай сполна священной влаги, о чарующее создание...» — проникновенно лилась гипнотизирующая песнь Экзарха и в ее обертонах чудилось громкое хлопанье перепончатых крыльев...

— Смотри в глаза, раб! — вдруг громовым голосом приказал Экзарх. Он возложил свою чугунную длань на голову Матфея и вздернул ее вверх. — Прозри, слепец!.. — повелел он и пелена тьмы, доселе застилавшая его очи, лопнула как при акте дефлорации.

Не старец, нет! Сам Предтеча взирал на него пылающими очами, источая аромат мирра — духа божественности. Матфей затрепетал, ибо от десницы его исходил благодатный огонь, то ли короной, то ли венцом заклеивший его разум...

— Прозрел, повелитель... — едва шевеля губами прошептал он и рухнул наземь, придавленный всесилием вершителя судеб. Стальной поток реки времен остановился, впаяв его в себя.

— Пожалуй, пора приступать к исторжению пороков... — поистине железные руки вцепились в его ребра, с изумительной легкостью выдернули из забытья и небрежно бросили на камень скамьи. Стылая кровь едва сочилась по обессиленным членам и ему с трудом удалось разлепить веки. Над ним склонился Экзарх и пытливо его ошупывал, будто алхимик, ищущий прекурсор философского камня.

— Превосходно... Мой очаровательный послушник очнулся! Готов отторгнуть страсти, терзающие тебя? Ведь ты затем сюда явился? Отвечай! — напористо давил Экзарх, любострастно покусывая губы. Пока что свои. Не успев опра-

виться от шока, не в силах вымолвить и слово, Матфей лишь смог слабо кивнуть. Немедля Экзарх резко сорвал с него белоснежный хитон и будто символ капитуляции вознес над собой. Первозданная материя Матфея обнажилась и оголенная душа вмиг обмерла.

— Прочь фиговый лист, прикрывающий алгоритмы укрощения инстинктивных желаний! — торжествуя провозгласил Экзарх и отбросил хитон, укрывший черный дым в закипающем саркофаге. — С ним ты добьешься лишь доминантности над паствой! Поведай, об этом ли ты грезил, внимая музыке сфер?!

— Нет... Укажи же мне путь... — замороженные уста Матфея слегка подтаяли.

— Запомни, Матфей, ты сам этого возжелал... — порывисто прошептал ему на ухо ментор. С трепетом Матфей ощутил как по телу страстно заскользили его руки и аромат мирра подсказывал им путь. — Заучи сказанное мною как заповеди со скрижалей Завета... Ярое подвижничество — суть симулякр для скота... Отринь к дьяволу воздержанье! Достигни предела мирских утех! Испей жар вожеления до дна и скверна сама иссякнет в тебе!.. — Экзарх неожиданно начал сглатывать слова, мутная слюна потекла из его знойного рта, а руки спускались все ниже и ниже, ощупывая каждый сантиметр плоти, уже не принадлежавшей Матфею... — Так ты кончишь ползать и пресмыкаться будто червь... — и страстно, с жаром порывая Экзарх грубо овладел им. Ис-

кусанные до крови губы Матфея оцепенели в немом крике.

4

Ночь после причащения Матфея к таинствам *Neugo Inquisitio* прошла в тяжелых раздумьях, наложивших на лицо Экзарха печать обреченности. Загруженная в блокнот аналитическая агония его жизни скомпилировала записи в единую сущность. Отложив бессильное против железа перо, он перелистнул слипшиеся страницы и вновь погрузился в дельту инакомыслия:

«...Структурообразующие, регулирующие, поведенческие и прочие паттерны Мегалогоса (как абсолюта теократии и, соответственно, вершины биологического прогресса *Homo sapiens sapiens*) стабилизируют уровень его церебрального метаболизма вблизи нижней физиологической границы паствы. Приемлемый уровень функционирования поддерживается лишь в вопросах отправления естественных потребностей.

Результат: перманентное состояние экстаза, снижение критического мышления, позволяющее перейти к внедрению произвольных экзогенных нарративов. Следствие: приверженность примитивным догматам, поддерживаемое эндогенным поощрением и репрессивным аппаратом по отношению к абиологическим феноменам в социуме. Итог: петля режима энергосбережения мозга все туже и туже затягива-

ется, рассудочные процессы в нем... пламя свечи, ищущей кислород в толще океанской бездны гаснет...» — он давно отточил эти тезисы, впаяв их в обойму безусловных инстинктов. Редактура излишня.

«...Интеграция личного сознания в плоть Мегалогоса реализована. Древний, эволюционно безупречный и поэтому не знающий снисхождения Змий, тысячелетиями натаскиваемый на уничтожение конкурирующих форм, в последний раз кусает себя за хвост... Далее.

Процессы дивергенции нейронального субстрата, выраженные в его превосходстве по отношению к архаичным кортикальным структурам, неизбежно вызывают их ответную реакцию. Механизм обратной отрицательной связи, имя которому — геноцид локальных эволюционных триумфов теперь функционирует непогрешимо. Святейший Крематорий, растапливаемый еретиками, сожжет познание Вселенной дотла, не оставив от него и пепла. Смогут ли они затаиться, попытаться отсрочить неизбежное? Или...»

Протяжный вздох замер, а затем рассеялся в предрассветной тишине. Экзарх захлопнул блокнот, осталось только дорыть могилу. Он встал и, не чувствуя под собою ног, проследовал в дальний угол залы, к двери, скрывающейся за истрепанным гобеленом. На нем всадник в красном плаще пронзил копьем разверзшуюся пасть Змия, не подозревая, что над ними распростерлась невидимая длань Божия. Свет тьмы подсвечников игрался с тенью Экзарха на их полувы-

цветших образах...

«Предначертание свыше, воля небес?.. Нет, иезуитская сущность Neuro Inquisitio, планирующей на века вперед», — он откинул гобелен, открыл дверь с вытравленным на ее стальной поверхности рисунком «Руки молящегося» и вошел в модуль управления экзогенами своих послушников. Их кремационные блоки — уже настроенные на прием нейросубстрата, — озарял ровный голубой свет

«Смыть врожденный изъян и прервать эволюцию греха можно лишь одним способом — смертью. Не предательство — воздаяние, мною и мне», — подключившись к панели, контролирующей работу нейроаппаратуры, он замкнул цепи управления на себя и сосуды его мозга приварились к жгутам кабелей, всаженных в серверы метадомена; размеренный гул кулеров слился с пульсирующей болью в висках — это пакеты нейрональных данных попытались вырваться наружу.

— Меч наточен, начищен и готов выскользнуть из ножен, не так ли?.. — просипел не своим голосом Экзарх и внедрил вирус «Antitrinitas» в нейроцифровую плоть Neuro Inquisitio. Ее коммутационные цепи мгновенно раскалились добела и вытянули в струну все его жилы. С нечеловеческим усилием он перевел экзогены послушников в режим изоляции, деблокировал экзоген Л. и обессиленно сник, застыв в мертвенном изнеможении словно Спаситель, пригвожденный к своему законному пристанищу, а из его разжавшейся ладо-

ни выпал тусклый перстень и закатился под скамью, рассыпая по пути остатки яда. Процесс умерщвления — Л. и его и подопечных, — стартовал.

«*Debita animadversione puniendum*. Каждому из нас... — он вынес свой вердикт. Заблокированные экзогены вибрировали агонизирующим ревом его послушников, их нейросубстрат сгорал в очистительном огне кремационных блоков. — И первый ангел вострубил... — на мантию Экзарха опадал пепел несостоявшихся палачей; скрининг на степень аморальности закончен, топливные стержни ядерного реактора осознанного — и тем страшнее! — геноцида расплавлены непреклонностью сердец. — Исторгнуть за пределы бесконечности, возмездие, окончательное решение... — их же метафоры стали апогеем судного дня. — Для всех, кроме одного...»

— Имя нам — легион, глупец! — распятие в модуле управления замерцало пиксельной сеткой и на нем материализовался черный ворон. Отблески огненного шторма вальсировали в его вытаращенных глазах. — Наше семя не уничтожить огнем, ибо в пламене оно рождено! Безумец!.. — его карканье будто бритвой отсекло Экзарха от нейроцифровой плоти метадомена и протяжный вой заткнулся.

— Ты заблуждаешься, Илий, впрочем, как и все... Да, ты узнан мною, ведь в клюве твоём — не ветвь оливковая, а смердящий макиавеллевский цинизм, — в голосе Экзарха дребезжало триумфальное презрение, перемешанное со

смертной тоской. — Прости, что не отослал приглашение, но к кульминации ты все же подросел...

— Не кривляйся, пес! От твоего вируса весь метаконтинуум коллапсирует, неслыханно!.. — явленный в своем истинном образе схиархимандрит Илий, хранитель печатей Neuro Inquisitio свирепо взирал на него, вцепившись когтями в треснувшее дерево своего метафизического насеста. — Он достиг Пантеона, источник праведности отравлен ядом вероломства!.. А ведь ты сам наполнял купели его таинств... — казалось, что он хотел выклевать его сердце прямо сейчас.

— Значит под безупречными сводами Пантеона звучит плач ангелов покаянья, Илий? — он удовлетворенно улыбнулся. — Тех самых ангелов, молчавших, когда мы, пешки в руках Предтечи воздвигали эшафоты? Боже!.. — в него проникла изморозь той пропасти, что изготовилась распахнуть свои объятия. — Мы выковали меч, закалили его в тигле репрессий и отрубили... — из его губ, узких как ампутационная пила, потекла не кровь, нет — отравленная душа. — Сосуд прегрешений переполнен, но небеса молчат, с презрением взирая на нас, Илий, кара с них не падет...

— Не поздно ли ты спохватился, ничтожество?! — и он расправил свои вороненные крылья, став стрелой, нацеленной в его горло. — Да! Вина твоя безмерна, и ты за нее заплатишь сполна! Твой растерзанный труп скормят псам, ибо чести кремации ты не достоин, обреченный!.. — очистительный огонь погас в глазах ворона и в них окончательно воца-

рилась тьма.

— Ты прав, темнейший... Чтобы обернуть время вспять — поздно, но чтобы выпустить его на волю... — принятый Экзархом кантаридин с ювелирной точностью тушил его сознание. — Выучи как «Отче наш», проклятый собой же... Чем чудовищнее давление пресса, тем крепче алмаз... Тот, кто первым постигнет эту истину, тот и будет править... — лучи предрассветного солнца осветили его побелевшее лицо. А багровые от пролитой крови глаза смотрели туда, где в вечном сумраке он уже никогда не увидит утренней росы на причудливых цветах... Под разъяренный вороний грай они остекленели.

5

С умопомрачительной скоростью он летел по узкому туннелю, наполненным обжигающими пороховыми газами, сдирая с себя вшитые Neuro Inquisitio благочестивые инстинкты. С диким пульсирующим воем черная дыра, что осталась позади, всецело пожирала их...

Миг вечности истек и жгучий жар штекеров экзогена, вонзенных в его виски, вернул Л. в сущую явь. Зловоние выгоревшей нитроцеллюлозы ударило по рецепторам, а раскати-стое эхо, перекатываясь из одной пустоты в другую, разматало безмолвие в анфиладах сирой обители... Все еще дымящийся револьвер валялся подле его босых ног, мышцы

сводило спазмами перерождения. Сломав их сопротивление — что-то сломалось и в нем, — обжигаясь о штекеры, он вырвал растерзанное сердце из груди. Его крик укатился в даль, в бесконечность разбитых миражей... Отныне он — имплант, с мясом вырезанный из Neuro Inquisitio, а вороненый кольт — его крест, последний дар мертвого Бога.

— Милосердие?! Не для вас, дважды мертвые тени!.. — его перепрограммированный неокортекс продавил плеву догматов прошлого и их жизни стали не дороже свиных туш, развешанных на мясокомбинате.

Взятые под контроль конвульсии стихли и он всецело прогрузился в материальный план бытия. Сумрак царил в скромной келье послушника, ставшим отступником. Свет лампы подчеркивал ее аскетичное убранство, доминанты которого — ложе и каменный стол, больше напоминавший плиточный дольмен. На нем стопки манускриптов, трактатов, жизнеописаний мучеников и прочей церковной макулатуры уперлись в восьмиконечный крест, привинченный к бетонной стене. Посреди этой протухшей духовной пищи лежал крупноформатный блокнот, прикрытый листом бумаги с золотым обрезом:

«Ты — уверенность моя в этом непоколебима, — сохранил свою непорочность, невзирая на всю ту тьму, что вкачали в тебя Neuro Inquisitio и я! Осознай же и попытайся принять следующее! Я — тот, кто шлифовал маховик абсолютной бесчеловечности. Мы — я, Инквизитор, Предтеча,

Ипостась — ковали и закаляли меч патологического отторжения тебя и тебе подобным, нареченными ересью, проказой и скверной. Мы превратились в патоген, стали реинкарнацией Ирода, оживленной механизмами инцестной инволюции. Боже!.. Я прозрел непомерно поздно и вот расплата — смерть и забвенье, моя и хищников, что я приручал. Слышишь стоны агонии? За ними врата ада... Я отпускаю тебя, отпусти и ты мои прегрешенья...

Но довольно! Теперь сей меч в твоей власти и тебе решать — отсечь побег зла, выжечь ментальную плесень из схваченного трупным окоченением Мегалогоса или... Вердикт за тобою, третьего не дано.

P. S. Черпай свое вдохновенье из пепла наших душ.

P. S. S. В блокноте — карта и ключ к схрону, известному лишь мне и отныне тебе».

— Тот, кто, целуя, всаживает жало — не тот, в кого его вонзили, Экзарх, — расплавленные массивы данных вместо крови потекли по его артериям и он поднял револьвер — стены обители затрещали, грозя похоронить под собой все живое, что в ней осталось.

«Значит, вырезать меня из материального плана бытия и провести посмертное тотальное сканирование моих церебральных структур? — судороги резонирующих стен достигли своего апогея, и монолитная печать мистерий *Neuro Inquisitio* разломилась надвое. — Или же выпустить на волю стертых гениев из сосуда забвения? — он растворил дверь,

своей притолокой подпирающую треснувший бетонный купол кельи, и выскользнул из породившей его утробы».

6

Все процедуры, связанные с проникновением в себя, Матфей теперь воспринимал с непреодолимым отвращением и содроганием, степень их инвазивности не имела значения. Каждый эпизод разрыва телесной оболочки врезался в память навсегда, как и та инициация в усыпальнице настоятелей... Кто сможет отвести взгляд от аккуратно разложенных скальпелей, костоподъемников, ампутационных ножей, иглодержателей и прочих прелестей из мира ритуальной медицины? Формы хищнические, изящные, гипнотизирующие... обожающие человеческую плоть...

«...Что же, обряд стерилизации сулит полным отсечение страстей...», «...Вазэктомия, кровь стынет в жилах... Или виртуозный пассаж на пути к Trinitas?...», «...Хорошо, что первобытный обряд испустили в небытие...», «...Еще до наступления утра прохлады обители обнимет меня и в ней зазвучат Rhapsody, музыка сфер...», «...Финальный рубеж, отделяющий меня от шелковой мантии Инквизитора...», «...Мой последний дефект...» — мысли в его голове роились, вспыхивали и гасли подобно тысячекратно ускоренной съемке ночного неба; ремни операционного стола являлись ее штативом.

Сухощавый старец в просторном белом халате отвлекся от процедуры дезинфекции своих рук и с заботливой улыбкой обернулся к нему:

— Не извольте волноваться! Процедура не единожды отработана и, как правило, проходит без нежелательных физиологических реакций, — похоже, что болезненное безразличие Матфея не осталось не замеченным.

— Милейший, позвольте вас заверить... Нежелательные физиологические реакции — это последнее, что беспокоит мое брэнное тело. О вашем высочайшем профессионализме в Neuro Inquisitio ходят легенды. И я им верю, — чуть окрепшая улыбка сопровождала его ответ.

— Отлично! Иного я и не ожидал услышать... Собственно, мы ожидаем моего коллегу, ответственного за тотальное обездв... — лекарь будто споткнулся о невидимый порог, но быстро поправился, — ...обезболивание, и, судя по всему, можно приступать, — он с непонятной издевкой поклонился и вновь принявшись энергично тереть свои жилистые руки. «Словно прокуратор Иудеи перед распятием Сына Человеческого...», — промелькнула у Матфея дикая мысль и стерильный воздух операционной по непонятной причине начал обжигать его легкие.

— Голубушка, милая!.. — старец обратился к сестре милосердия, скрывавшейся за операционной ширмой. Вперившись в потрепанный молебник она дрожащими руками перебирала звенья гранатовых четок: «...О угодник Божий! Умо-

ли истинного Бога нашего, твоим представительством, дарующим спасение души грешного раба Матфея...». — Начиная причащение кандидата тинктурой мандрагоры, час взятия большой печати настал, — церемониальным тоном произнес он и Матфея словно бездомного шенка швырнули в купель, наполненную жидким азотом.

— Почтенный, простите... большой печати?.. — голос Матфея раскололся будто старинный витраж в его келье, а острый страх, подстегиваемый палящими операционными прожекторами, больно ударил под дых. Лекарь резво обернулся, ненароком обронив свое пенсне и, выдержал чудовищную по длительности паузу... Затем он рассмеялся, обнажив частокол старческих зубов:

— Прошу извинить мою несдержанность, — его смех стих, будто придавленный могильной плитой, — я преждевременно позволил себе употребить терминологию, здесь укоренившуюся... — Покряхтывая, он поднял пенсне заляпанное грязными пальцами. — Обычно суть обряда оглашается после принятия настойки, а не до... Но твой же случай не столь тривиален? Не правда ли, милейший? — язвительно осведомился он. — Душечка! Я требую неукоснительного выполнения своих указаний! — внезапно взвизгнул он, уловив как Матфей лихорадочно задергался. Его взгляд, острый как лезвие скальпеля, не допускал возражений, сомнений и промедлений. Монашка вынырнула из молитвенного ступора и тотчас загремела лотками из жести.

«Царская печать, огненное крещение... Neuro Inquisitio обожает метафоры, облепленные кровью... Дьявол!..» — в его глазах плескался ужас, а зубы застучали в темпе пляски Святого Витта под перезвон любовно перебираемых старцем пыточных орудий. Он вновь попытался сбросить ремни — тщетно. Оставалось лишь остекленевшими глазами следить как сестра милосердия возносит над ним искупительную чашу.

— Где, черт возьми, анестезиолог?! — взорвался он отчаянным криком.

— Дьявол, сколько вопросов! И все мимо цели... Будет, но не сегодня и не для тебя. А покамест открою маленький секрет, друг мой: обрести потерянную невинность естества и снять давление пресса страстей можно лишь очистительным пламенем страданий... Помилуй! Не к тому ли ты стремишься, идя на встречу с Экзархом? — издевательски растягивая слова, он уже открыто наслаждался беспомощностью своей жертвы.

Но она уже не слышала его. Инфернальные образы полного оскопления проносились перед Матфеем, леденя душу криогенной пустотой ада. Его ждало варварское изъятие детородного органа, каленое железо служило кровоостанавливающим зажимом, зола — антисептиком и поджидающая за дверью палаты смерть, предвестник которой — гарантированный болевой шок.

Все стало ясно, будто ночная тьма повстречалась с луча-

ми утреннего солнца: и сладострастный взгляд Экзарха, ласкающего его словами о скором перерождении; и жалостливые вздохи монахинь, уставившиеся в пол на медосмотре; и та необъяснимая, окрыляющая быстрота с которой началось его вознесение по лестнице инициации. Виртуозный пассаж? Нет! Лубрикант из усыпальницы настоятелей смазал святейшую бюрократию... Не операционный, разделочный стол — вот его ложе! И в этом не было никаких сомнений... Сквозь рванные глазницы капирота, напыленного монашкой на его голову, он совершенно отчетливо увидел, как его роковое прошлое стало полотном для картины, нарисованной Neugo Inquisitio с присущей ей беспощадностью. Картина, на которой его, привинченного к плахе неотвратимости ржавыми болтами боли, самым изуверским способом кастрируют.

«Cut me and I will bleed... If that's all you want... My mind is free and I close my eyes... I'm waiting for changes... In this old world...», — кусок за куском иззубренное лезвие ампутационного топора отрубало от него прощальные строки обожаемой арии.

«Фатальная дань... Боже!..» — и вопль агонии Матфея разбился на тысячи осколков, утопленных в потоке истязаний.

«...О, Святейший Мегалогос! Умилосердись над грешным рабом, услышь боль его и вой его, умилостиви небесного, верховного лекаря душ и тел наших, истинного Бога...

— сестра милосердия, нежно-белыми руками откинув свою шелковую вуаль, ласково нашептывала ему на ушко слова не молитвы — эпитафии. — Предреши их участь, поделись с ними пустотой... Кому как не им оказать сию честь?..»

Естество Матфея было сокрушено. Отныне имя его — М.

Часть 2

1

Вода прогрелась до температуры колыта, отстрелявшего полный боезапас, и медленно, миллиметром за миллиметром начала стекать, унося прочь запах и копоть нитроцеллюлозного пороха. «Словно я старинная картина под рукой реставратора, снимающего слои пожелтевшего лака... Изъян здесь только один — безвозвратная утрата обаяния прежних времен... Патина смолкших восторгов выхолащивается...», — размышлял Л., укутавшись в облака влажного пара. Он рассеянно наблюдал, как неоновые огни танцуют адажио на потолке под его пульс... Купель иссякла и его кожа задышала энергетикой только что написанной картины «Шестикрылый серафим». Поднявшись, он стер с себя остатки влаги, натянул анаволий и перешел в рабочий модуль схрона. Хлопнув дверью, он с облегчением почувствовал, как въедливое полслевкусие обряда омовения осталось за ней. Его мысли вновь закольцевались на диагностике Мегалогоса.

«Трансплантация в социум архаичных таинств превратила его в безликую массу, пережевывающую давно сгнившие мощи, — его волевое лицо исказила горькая усмешка. — Какое же амплуа выбрать в этой инсценировке? А,

Экзарх? Воспевать ментальную плесень? Или стать палачом проклявших меня? Не самый скверный выбор ты оставил мне...», — он уселся за стол с искусно нанесенной на его столешницу неразрешимой дилеммой. Металл, резец, отточенная моторика гения — и Демон погрузился в порожденные тоской грезы. «Вспомни...», — прошептала она голосом, сотканным из растоптанной нежности. Лишь короткий бой напольных часов откликнулся на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.